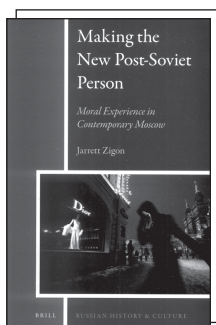

Orsi R. Between Heaven and Earth: The Religious Worlds People Make and the Scholars Who Study Them. Princeton: Princeton University Press, 2006.

Wilson J.E. Subjects and Agents in the History of Imperialism and Resistance // D. Scott, C. Hirschkind (eds.). *Powers of the Secular Modern: Talal Asad and His Interlocutors*. Stanford: Stanford University Press, 2006. P. 180–205.

Дарья Дубовка

Jarret Zigon. *Making the New Post-Soviet Person: Moral Experience in Contemporary Moscow*. Leiden: Boston Brill, 2010. 257 p.¹

Постсоветский почти двадцатипятилетний период, несомненно, привел к формированию нового, «постсоветского» человека. К этой теме активно обращаются социологи, изучая изменение политических и идеологических ценностей россиян, новых общественных практик, стратегии выживания и особенности национального самосознания [Гудков, Дубин, Зоркая 2008]. Состояние российского пореформенного общества наиболее соответствует классической социологической теории аномии, предложенной Эмилем Дюркгеймом. На смену кризисным 1990-м пришли «сытые» 2000-е с культом консюмеризма и культурой гламура [Рудова 2009; Шор-Чудновская 2009]. Радикальный слом устоявшихся общественных норм, смещение моральных и социальных устоев,

Лариса Валериевна Дериглазова
Томский государственный
университет
dlarisa@inbox.ru

¹ Рецензия подготовлена в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14. B25.31.0009).

множественность выбора образа жизни и поведения, отсутствие жесткой регламентации социальных отношений, изменение характера социальной мобильности, социальных лифтов и интенций, появление новых социальных групп — все эти процессы являются незавершенными. Существующая исследовательская литература о «постсоветском» человеке в большей степени обращена к области его публичного бытования, политического поведения либо анализирует состояние общества в целом и положение определенных социальных групп. В меньшей степени представлена тема личности и сфера частной и даже сугубо внутренней жизни, которая сформировалась либо существенным образом трансформировалась в пореформенное время.

Тем не менее тема морали и моральных ценностей в современном российском обществе присутствует как постоянный рефрен в общественных дискуссиях по поводу содержания и последствий перемен, а также тех «акторов и факторов», которые оказали и продолжают оказывать решающее влияние на изменения в обществе и общественной морали. Несомненно, большое влияние на общество и его моральные устои оказало радикальное изменение социально-экономических и идеологических оснований, а также сам процесс перемен, который сопровождался настоящими человеческими драмами, личными и общественными кризисами и сломами. Влияние Запада, западного образа жизни, культуры консюмеризма на российское общество и трансформация общественной морали под воздействием этого влияния тоже активно обсуждаются в российском обществе как на уровне элит (политической и академической), так и в повседневной жизни. Другие примечательные темы — изменение гендерных ролей, отношения к сексу, трансформация семейных отношений — также привлекают российских авторов.

Книга американского антрополога Джаррета Зигона представляет собой любопытный пример обращения к теме морали «постсоветского» человека в рамках антропологии морали, которая пока недостаточно представлена в российской науке. Проблема морали и религиозного сознания является значимым направлением в американском гуманитарном знании (*religious studies*), и в этом смысле книга несет явный отпечаток культуры «морали и нравственности», которая представлена в повседневной публичной и частной жизни американцев. Рецензируемая книга примечательна тем, что написана «посторонним наблюдателем», который не связан культурными кодами, гласными и неформальными запретами и самоцензурой. Книга не претендует на то, чтобы дать ответ, кто являлся более моральным — советский или постсоветский человек, она ско-

рее посвящена изучению противоречий, причин морального выбора и осознания последствий выбора, сделанного героями книги под давлением обстоятельств в сложный период постсоветской истории. С первых страниц книга созвучна романам Ф.М. Достоевского, и эту ассоциацию усиливает обложка книги с фотографией известного немецкого фотографа Герда Людвига из серии «Судьба России», на которой изображена молодая женщина перед витриной французского брендового магазина в нововыстроенной гостинице «Москва» на площади Революции. Однако по мере чтения книга все больше начинает напоминать диалоги и сны героев романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», которые ищут себя и нравственные опоры в несовершенном мире в период социальных потрясений и перемен.

Автор определил жанр своего исследования как антропология и критическая социальная герменевтика. Качественные методы исследования сведены к своей максиме: минимум информантов и продолжительные беседы с ними, зафиксированные в начале 2000-х гг., авторская логика вопросов для обсуждения и развернутые комментарии и интерпретации по поводу услышанного. Отказ от более широкой репрезентации автор объясняет негативным опытом проведения фокус-группы, когда он понял, что получит представление о «властных отношениях» в группе, но не обсуждение проблем морального выбора во всей их противоречивости и неоднозначности. У автора сложились почти дружеские отношения с пятью информантами из первоначальной группы в 30 человек, которые проявили заинтересованность в продолжительных беседах.

Дж. Зигон выделил несколько тем, вокруг которых построены диалоги с его героями и которые, по его мнению, являются ключевыми для понимания морали в современной России: идеология консюмеризма, религия, секс, наркотики, изменение гендерных ролей и положения женщин. Автор подробно объясняет, если не оправдывает, свой выбор тем, что антропология должна стремиться к пониманию поведения отдельного человека, не уходя в сферу «неиндивидуального теоретического конструирования». Действительно, природа обсуждаемых проблем, относящихся к интимной сфере жизни человека, требует бесед без посторонних людей, которые могут оказывать давление (вольное или невольное) на озвучиваемые мнения и позиции. Тем не менее ограничение числа информантов до пяти человек в основном молодого возраста представляет собой очень узкий выбор, где возможность ошибочных заключений и генерализации на основе нерепрезентативных источников является высокой. Узость выбранного круга опрашиваемых усилена и тем обстоятельством, что они все являются жителями столицы России, для которой так же, как и для

других мировых мегаполисов, характерен особый, во многом «вненациональный» образ жизни и мыслей.

Любопытен и выбор информантов, которые, по мнению автора, в большей степени связаны с проблемами морали в профессиональной или частной жизни: «активно верующие — православные, практикующие художники и учителя». Однако данная градация оказывается условной и не выдерживает серьезной критики при внимательном чтении. Автор заявляет биографический метод или изложение «жизненных историй» своих героев на основе полуструктурированных интервью в течение полутора или двух часов (Р. 41–42). Однако, по сути, автор «включенно» проживает со своими героями почти пять лет, на протяжении которых они периодически встречаются для пространственных бесед. Многочасовые прогулки по Москве, встречи дома у информантов и в московских кафе, обсуждение очень важных аспектов жизни помогают героям книги и ее автору артикулировать собственную нравственную позицию или ее изменение.

Дж. Зигон определяет свой метод изучения постсоветского человека в полемике с российскими и зарубежными авторами. Автор оспаривает тезис Сергея Ушакина о постсоветском состоянии как афазии или неспособности найти новые смыслы и истины и возвращении к советским символам и формам, «бывшим в употреблении», что представляет, по мнению С. Ушакина, тупик или форму новой закрытости [Ушакин 2009]. Дж. Зигон отказывается от распространенного взгляда на русских через призму устойчивых клише — «душа», «страдание», «национальная уникальность», которые часто встречаются в работах западных антропологов. Автор полагает, что главным элементом трансформации морали постсоветского человека является глобализация, которая сделала Россию открытой для внешних идей, образов, практик и знаний. Такая открытость создала возможность русским увидеть и «попробовать» те социокультурные и экономические способы жизни, которые становятся жизненными ориентирами для будущего страны. Как пишет автор, постсоветский период можно охарактеризовать как жизнь в треугольнике прошлого, будущего и «другого». Причем «другое» может одновременно рассматриваться как *возможная* и как *желаемая* модель будущего (Р. 5). Знакомство с «другим» как возможным «будущим» происходит благодаря массовому туризму, консюмеризму и глобальным средствам массовой информации.

Новые ориентиры породили возможности или иллюзию выбора и привели к тому, что автор называет «эпистемологическим и моральным разрывом» в российском обществе (epistemological

and moral gap). Этот разрыв ярко проявлен в публичном пространстве и во внутреннем процессе самоопределения и критического осмысления моральных устоев постсоветской личности. Примерами полярных жизненных сценариев являются, по мнению автора книги, молодые профессионалы и националисты разных степеней. Новым русским яппи, успешно реализующим переход на «капиталистический образ жизни», противостоят неуспешные молодые и пожилые русские, которые находят оправдание своей позиции в национализме, осуждая постсоветские изменения как антирусские и аморальные. Дж. Зигон полагает, что различные «смеси» этих двух враждебных позиций отражают умонастроения миллионов русских и объясняют успех В.В. Путина и «Единой России» как «уникального гибрида между трансформированной этикой первой группы и националистическим духом второй» (Р. 6–7).

Для понимания «постсоветского» человека Дж. Зигон предлагает собственную теорию, которая, на его взгляд, позволяет преодолеть концептуальную и методологическую неопределенность философского и антропологического подхода в изучении морали (Р. 21–22). В дословном переводе теорию Дж. Зигона можно определить как теорию «морального упадка» или «падения нравов», но, по сути, речь идет о кризисных моментах в жизни людей, когда они критически осмысливают общественную мораль и должны совершить собственный моральный выбор. А.С. Меньшиков в своей статье, посвященной постсоветской социальности [Меньшиков 2013: 110], называет эту теорию Зигона теорией морального выбора, что точно передает содержание метода. Зигон полагает, что его подход является удачным компромиссом между пониманием морали как «воплощенного габитуса» Пьера Бурдьё с акцентом на неосознанность и предопределенность социально-экономическими факторами и концепцией «проблематизации» Мишеля Фуко, в соответствии с которой человек делает осознанный выбор через осмысление ситуации, руководствуясь этикой. Автор считает, что анализ критических ситуаций в жизни людей позволяет понять трансформацию личности, когда последняя осмысливает себя и общественные нормы. Эти моменты «создают новую локацию личности» по отношению к существующей общественной морали через этический выбор (Р. 26–29). Именно момент «морального падения» или «разрыва» позволяет «проблематизировать» привычно-воспринимаемые и социально-обусловленные ориентиры и сформировать личное отношение и позицию в момент морального выбора.

Композиция книги представлена в последовательном изложении метода, демонстрации его действия на примере пяти инди-

видуальных историй и заключительных рассуждений автора. Первая глава, самая большая по объему, представляет авторское обоснование выбора темы, способов ее изучения, места и методологии в концептуальном ландшафте современных исследований человека и морали. Знакомство с персонажами книги: Олей, Ларисой, Димой, Анной и Александрой Владимировной — также происходит в первой главе книги. Главы со второй по седьмую написаны в форме диалогов между информантами и автором книги, а в восьмой главе подводятся итоги размышлений автора на тему морали и морального выбора в современной России. Каждая глава сопровождается подзаголовками, которые формируют внутренний тематический каркас книги: источники морали (собственный этический выбор, семья, религия), падение нравов в современной России, внутренний разлад, ложь и компромиссы, этические дилеммы и поиски этических оснований.

Книга несомненно заслуживает внимания как интересная и детальная реконструкция жизни современных москвичей, причем преимущественно молодых, в ней хорошо представлены несколько узнаваемых типов «нового, постсоветского человека». Первый тип, который Зигон называет, «русский неолиберальный истинный карьерист», обладает гибкими понятиями о нравственности и допускает ложь во имя карьерного роста, успеха на работе, облегчения общения с другими и т.д. (Р. 90–91). Этот тип «нового русского» получил в России несколько уничижительное название «офисного планктона».

Близким этому типу является тип «молодого разочарованного» человека, который пережил в детстве и отрочестве вместе с родителями острейшие кризисы, и это определило жизненные ориентиры и моральные установки. Главной чертой таких молодых русских является полное отсутствие доверия ко всем общественным институтам страны, а сама Россия представлена в поэтическом образе ада Данте — «оставь надежду всяк сюда входящий». Именно поэтому логичным выходом из такой жизни является ориентация этих людей на западные страны как попытка вырваться из «безнадежного ада» повторений (Р. 168).

Совсем другой тип представляет «антисистемный» человек с полным отсутствием нравственной позиции, который находится в постоянном поиске и проверке смысла собственной жизни без запретов и ориентиров, налагаемых на него обществом и общественными институтами (Р. 163–164). Главное, что отличает таких людей, — попытка не быть частью «системы», неважно, какой является система — советское и пост-

советское структурированное общественное пространство, общественная мораль, православная церковь или община кришнаитов. Такие люди испытывают себя и других, создают и преодолевают различные «соблазны» или «вызовы». Главный принцип жизни таких людей — отсутствие каких-либо принципов, навязываемых извне, следование логике «комфортного выбора» вызовов (Р. 146). Зигон приводит множество примеров такого «комфортного выбора» своего героя, и один из них хотелось бы привести здесь. Молодой человек прячется в магазине от агрессивной группы подростков, напавших на него из-за его кавказской внешности. Однако он не вызывает полицию, чтобы оказать помощь другому прохожему, который на его глазах стал жертвой той же группы подростков.

Еще один узнаваемый тип я бы определила как «модифицированный советский человек», который смог перейти от принципов «Морального кодекса строителя коммунизма» к свехартикулированному православию, что причудливым образом трансформировалось из интереса к йоге и увлечения разными духовными практиками. В результате сформировалась личность с сильным морализаторским императивом, стремлением поучать других и ярко выраженным самоконтролем. По сути центральный элемент личности остался неизменным — «активный преобразователь общества», теперь на основе собственных представлений о православной морали (Р. 210).

В заключение Дж. Зигон выделяет три объединяющие черты или способа формирования нравственного чувства у каждого из пяти его героев, которые он представляет как «диапазон возможностей» в условиях изменения «социо-историко-культурных» рамок и открытия страны для внешнего воздействия. *Общение* представлено как «социально-признанный способ артикуляции» собственной нравственной позиции и выбора, который совершают герои книги. Вторая объединяющая черта — это *идея развития личности* или нравственной работы над собой. И, наконец, все герои книги знают, *какими людьми они хотели бы быть* с точки зрения морали. Можно согласиться с заключительными словами автора о том, что моральные портреты, представленные в книге, должны пониматься именно как «индивидуальные выражения надежды и борьбы за существование и становление того определенного типа личности, какими бы они хотели быть в этот уникальный исторический момент постсоветской России» (Р. 239–249).

Оценивая книгу с точки зрения новизны и оригинальности представленного материала и метода, хотелось бы высказать следующие суждения. Книгу Дж. Зигона можно рекомендовать

как интересную попытку понимания, в первую очередь, первого постсоветского поколения 30-летних людей, у которых фактически не было опыта «осмысленной» жизни в Советском Союзе. И в этом смысле, это книга о «новых русских». Несомненно, книга написана с большой симпатией и уважением к своим героям. Несмотря на морализаторские пассажи, которые неизбежны в таком жанре исследований, книга представляет очень узнаваемые образы соотечественников. Мне показалась интересной в книге тема оценки уровня насилия в обществе. Так, одни герои книги полагают, что в современной России происходит движение в сторону «уменьшения насилия и увеличения стабильности» (Р. 129), что понимается как отсутствие общественного принуждения по отношению к личности. Для других героев уровень насилия определяется бытовыми оценками и, по их мнению, не изменился по сравнению с советским периодом, как не претерпела изменения и сама мораль (Р. 170–179).

Однако большая часть книги вряд ли станет откровением для российских читателей. Темы, выбранные для обсуждения, представлены в общественном дискурсе, правда, не столько благодаря академическим штудиям, сколько изобилующим на телевидении «реалити- и ток-шоу» и обсуждениям в социальных сетях. Некоторые беседы автора с его героями навязчиво напоминают диалоги популярных «шоу», особенно сопровождаемые авторскими морализаторскими заключениями и обобщениями.

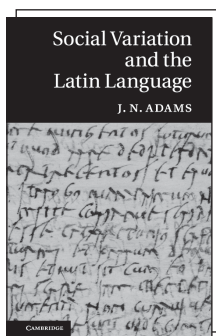
Авторская теория и метод, на мой взгляд, могут только отчасти претендовать на оригинальность. Несмотря на авторскую полемику с методологией Эмиля Дюркгейма, Пьера Бурдьё и Мишеля Фуко в начале книги, подход Дж. Зигона основан на синтетическом использовании различных элементов названных теорий, призванных объяснить состояние общества и жизнь отдельного человека в период кризисов и масштабных перемен. Метод Дж. Зигона также напоминает психоанализ, широко распространенный в США, и сам автор признается в том, что долгие беседы с его героями существенным образом повлияли и на его собственный моральный выбор.

Тем не менее книга любопытна именно как документальное свидетельство жизни пяти москвичей и будет несомненно интересна каждому, кто предпочитает микроисторию анализу макроуровня. Заслуживает внимания и рассуждение Зигона о том, что современное российское общество, открытое миру, живет в треугольнике «прошлого, будущего и другого» и может делать осознанный выбор в пользу «возможного или желаемого другого будущего».

Библиография

- Гудков Л., Дубин Б., Зоркая Н. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008.
- Меньшиков А.С. Политическая модерность и постсоветская социальность // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. 2013. № 1 (112). С. 102–115. <http://urfu.ru/no_cache/science/scientific-publications/izvestija-urfu/download-file/Izvestia_0100_01_2012_seria03.pdf/24398/11307/1bbalea0/>.
- Рудова Л. Гламур и постсоветский человек // Неприкосновенный запас. 2009. № 6 (68). <<http://magazines.russ.ru/nz/2009/6/ru17.html>>.
- Ушакин С. Бывшее в употреблении: Постсоветское состояние как форма афазии // Новое литературное обозрение. 2009. № 100. <<http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ush55.html>>.
- Шор-Чудновская А. Понять постсоветского человека // Неприкосновенный запас. 2009. № 6 (68). <<http://magazines.russ.ru/nz/2009/6/an16.html>>.

Лариса Дериглазова

Adams J.N. *Social Variation and the Latin Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 933 p.

Дмитрий Владимирович Сичинава
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Москва
mitrius@gmail.com

Автор рецензируемой книги «Социальное варьирование и латинский язык» британский лингвист Дж.Н. Адамс — уникальная фигура среди современных латинистов. Почетный член колледжа All Souls в Оксфорде за десять лет, помимо рецензируемой, выпустил еще две фундаментальные монографии без соавторов: «Двуязычие и латинский язык» (2003) и «Региональные разновидности латинского языка от 200 года до н.э. до 600 года н.э.» (2007). Совокупный объем